

О восприятии поэзии Аттилы Йожефа в СССР в 1945—1962 годах

После слияния в 1948 г. — в так называемый «год перелома» — Венгерской коммунистической партии (ВКП) и Социал-демократической партии Венгрии (СДПВ) тотальное установление коммунистической диктатуры в нашей стране стало свершившимся фактом. Однако власть и самостоятельность возникшей в результате объединения Венгерской партии трудящихся (ВПТ) были весьма ограничены, ибо Москва, держа Будапешт на коротком идеологическом поводке, допускала проявления «особого мнения» лишь в исключительных случаях. Единство социалистического лагеря необходимо было демонстрировать и в литературе, поэтому руководители венгерской культурной политики опасались малейших расхождений в этих вопросах с «линией Кремля». Судьба Аттилы Йожефа в формировании венгерского коммунистического литературного канона особенно интересна именно тем, что в случае с ним Будапешт, пусть осторожно, но все же довольно настойчиво пытался противостоять Москве. До сих пор о рецепции Аттилы Йожефа в Советском Союзе опубликована лишь одна небольшая статья¹ — без использования архивных источников и обходящая многие «щекотливые» вопросы, — поэтому можно сказать, что, по сути, этой темы еще не касался ни один исследователь. В настоящей работе я хотел бы более пристально рассмотреть именно тот период восприятия Аттилы Йожефа в СССР (1945—1962 гг.), когда расхождения в оценке его творчества в обеих странах были особенно велики.

После Второй мировой войны политика ВКП определялась тремя крупными группировками внутри партии: 1) руководителями, пережившими межвоенный период в подполье; 2) так называемыми «москвитами» — партийными лидерами, вернувшимися из советской эмиграции, и 3) деятелями компартии, оставшимися после 1945 г. в Москве. В политической и культурной жизни Венгрии лучше других ориентировались те, кто прошедшие десятилетия находились в стране, однако партией руководили «москвиты». Меньше всего в текущие венгерские дела мог-

ли вмешиваться те, кто остался в Москве. ВКП искала в венгерском литературном прошлом фигуры, которые можно было бы использовать в политических целях, и достаточно быстро подняла на пьедестал официальных революционных поэтов Шандора Петефи и Эндре Ади. Что касается Аттилы Йожефа, то его канонизация в этом смысле растянулась на несколько лет. Причины крылись не только в более сложной и многослойной поэзии Йожефа, не очень подходившей для непосредственных агитационно-партийных задач, и даже не только в противоречивости взаимоотношений поэта с партией при его жизни. Трудность заключалась прежде всего в том, что все три упомянутые выше группировки относились к нему по-разному. Поскольку ведущие деятели культурной политики ВКП — Дёрдь Лукач и Йожеф Ревай — десятилетия провели в эмиграции, с поэзией хортистского периода они были знакомы плохо, но политики «местные», и прежде всего Мартон Хорват, достаточно быстро смогли убедить их в эпохальном значении творчества Йожефа. Таким образом, к 1948 г. в Венгрии официально утвердилась концепция «генеральной линии» развития венгерской поэзии, которую олицетворяли Петефи, Ади и Аттила Йожеф. Для полной канонизации не хватало лишь одобрения Москвы, и в случае с Ш. Петефи и Э. Ади никаких препятствий к этому не было. Однако поэзия Йожефа русскому читателю была практически неизвестна, поэтому прежде всего нужно было перевести ее, причем на высоком художественном уровне. Естественно, ВКП рассчитывала на помощь тех, кто жил в это время в Москве, и наиболее подходящими по способностям и необходимому для такого дела таланту были два человека: Антал Гидаш и Анна Краснова.

Антал Гидаш (в Советской России его «окрестили» Анатодем Гидашем) прибыл в Москву в конце 1925 г. и тут же был провозглашен выдающимся пролетарским поэтом-интернационалистом. На русском языке один за другим выходили его поэтические сборники, марши и песни на слова Гидаша распевали по всему Союзу. Об авторитете венгерского эмигранта говорит и тот факт, что в 1929 г., во время окончательного возвращения М. Горького на родину, «Правда» приветствовала это событие, в частности, стихами Гидаша². Блестящей и головокружительной карьере Гидаша — до определенного времени — явно способствовала и его женитьба в 1931 г. на Агнесе Кун, дочери вождя венгерской коммунистической эмиграции Белы Куна. Однако после ареста тестя в 1937 г. и последовавшей через год после этого его казни в ГУЛАГе на шесть лет оказался и Гидаш. Агнесса Кун долгое время вынуждена была скрываться под псевдонимом Анны

Красновой — уж слишком зловеще звучала в годы репрессий против деятелей Коминтерна фамилия ее отца. После 1945 г. Гидаш и Анна Краснова с огромным энтузиазмом взялись за популяризацию в Советском Союзе венгерской литературы, и самым крупным их начинанием в этой сфере стала «Антология венгерской поэзии».

Аттила Йожеф в «Антологии венгерской поэзии»

В октябре 1952 г. в Москве вышла «Антология», в которой венгерская поэзия была представлена от самых ее истоков³. Вступительную статью к ней написал Антал Гидаш, а составителем книги и редактором переводов выступила его жена. «Антология» всеми была принята восторженно, и мало кто знал, что еще до ее появления за издательскими кулисами разразился скандал. Поначалу будапештские власти энергично поддерживали начинание четы Гидашевых, но вскоре их стало удивлять, что Гидаш не запрашивает из Будапешта ни сборников Аттилы Йожефа, ни специальную литературу, посвященную его творчеству. Поэтому дальнейшую посылку необходимых книг они обусловили своим правом оказывать влияние на принципы составления антологии. 13 января 1950 г. в письме в МИД ВНР венгерский Институт культурных связей, в частности, отмечал: «Хотя среди поэтов совершенно справедливо выделены такие авторы, как Шандор Петефи, Эндре Ади, Дюла Ййеш, совершенно отсутствует Аттила Йожеф, который в такой обширной поэтической антологии непременно должен занять достойное его творчества место»⁴. Получалось, что Гидаш готов был проигнорировать одного из официально признанных поэтов партии.

Гидаш и его единомышленники вызов приняли. По сообщению венгерского посольства в СССР, «материалов, касающихся Аттилы Йожефа, в Москве достаточно, поэтому они не были включены в перечень». Секретарь венгерского посольства при этом берет под защиту Гидаша, указывая, что он — тот авторитет, к которому по любому вопросу, касающемуся переводов с венгерского языка, обращаются советские органы, и именно благодаря ему переводом с венгерского занимаются лучшие советские поэты. И далее сообщает, что «переводы предварительно обсуждаются в Союзе писателей СССР или других органах — в первую очередь с идеологической точки зрения. А в этой сфере (...) господствует следующая точка зрения. Возможно, что зарубежные специалисты знают о своей литературе больше фактов, чем работающие в Советском Союзе редакторы

или переводчики, однако большинство этих стран отстают в сфере марксистской идеологии. Вот почему зарубежную помощь при подготовке тех или иных изданий здесь рассматривают прежде всего как помощь материалами и фактическими данными (...) Мы не можем рассчитывать на то, что компетентные советские органы с одобрением воспримут наши советы идеологического порядка”⁵. В конечном счете Гидаш пошел на уступки. В антологию вошли и 14 стихотворений Аттилы Йожефа. Но чтобы сказать, много это или мало, следует рассмотреть, сколько места отведено в ней другим поэтам. Возьмем двух первых представителей «генеральной линии» венгерской поэзии! 63 стихотворения Петефи на 54 страницах. 53 стихотворения Ади на 28 страницах. Равновеличие двух первых классиков Гидаш, если не по числу отведенных для них полос, но хотя бы по количеству стихотворений, постарался обозначить достаточно ясно. Рядом с ними 14 стихов Аттилы Йожефа на 12 страницах антологии — слишком скромное место. Принципы и пропорции отбора, произведенного Гидашем, можно было бы зацитить, сказав, что в 1952 г. значение поэзии Йожефа еще не укоренилось в венгерском литературном сознании настолько, как значение двух более старших классиков. Это так, но посмотрим, каким количеством произведений представлены в антологии некоторые из современников Йожефа, например, Антал Гидаш. Оглавление здесь обманчиво, ибо в нем представлено всего три названия произведений Гидаша. Но из трех в антологии фигурируют два стихотворных цикла, и в общей сложности на 11 страницах помещено 25 стихотворений. Думаю, нет нужды объяснять, насколько недооценили составители антологии поэзию Йожефа.

Во вступительной статье отдельные похвальные фразы в адрес Йожефа А. Гидаш постарался «уравновесить» целым рядом обидных для поэта высказываний. Да, Аттила Йожеф — поэт из народных низов, но при этом «только *приблизившийся*» (выделено мною. — А. Б.) к революционному мировоззрению пролетариата. Найти должную опору в революционном рабочем движении он оказался не способен. Творческий путь его начался под знаком «формалистических исканий», временами поэт приходил в отчаяние, им овладевал пессимизм, он не находил выхода ни для себя, ни для своего окружения, «поэтому в его поэзии мы находим довольно большое количество стихов болезненных, индивидуалистических, полных рефлексий». И наконец: «Душевнобольной поэт, не находя

в себе больше сил для борьбы, покончил с собой тридцати двух лет от роду». Подобная критика в 1952 г. для живущих поэтов могла иметь самые тяжелые последствия; для умершего же Аттилы Йожефа таким следствием стало дальнейшее десятилетнее замалчивание.

Истинный замысел Гидаша раскрывает одна деталь. Аккуратно перечисляя во вступительной статье все прижизненные сборники А. Йожефа, он «случайно» опускает сборник 1931 г. «Бей капитал, не скули!»⁶. Между тем именно этот сборник, наряду со сборником «Ночь окраины», в Венгрии в это время считали вершинным достижением Йожефа. И Гидаш о нем умалчивает, чтобы в Советском Союзе не обратили внимания на столь благозвучное для уха коммунистов название.

Чем могла мотивироваться подобное недоброжелательность Гидаша? Согласно расхожему мнению, он не мог простить Йожефу, что в 1930-е годы бывшая его жена Юдит Санто была гражданской женой поэта. Заглянуть в душу Гидаша мы не можем, однако тот факт, что на его месте оказался А. Йожеф, едва ли ущемлял его мужское самолюбие. С какой стати он мог на него сердиться, если от самой Юдит Санто мы знаем, что после их развода с Гидашем в ее жизни было достаточно и других мужчин? Агнесса Кун скорее всего права, утверждая в своем интервью, что из-за сожительства с Юдит Санто Гидаш обиды на Аттилу Йожефа не держал⁷. И все-таки имя Гидаша с упорным постоянством вновь и вновь возникало в числе недоброжелателей Йожефа. Что могло быть причиной этого? Оставляя в стороне воспоминания и догадки, обратимся к доступным сейчас документам.

В доказательство предвзятого отношения Гидаша к А. Йожефу в специальной литературе принято вспоминать еще два события. Случай первый: Гидаш был в числе тех, кто в июне 1931 г. подписал пресловутый «Проект платформы венгерской пролетарской литературы», опубликованный в журнале «Шарло эш Калапач», издававшемся на венгерском языке в Москве. Аттила Йожеф в этом «Проекте...» был причислен к стану фашистов, из-за чего были прерваны связи поэта с подпольным коммунистическим движением. Действительно, Гидаш участвовал в подготовке «Проекта...», но к окончательному редактированию текста он отношения не имел⁸. Более того, первоначальный текст этого документа, как утверждают, значительно отличался от того, что был опубликован в журнале, и пока не доказано, что слова о сближении Йожефа с фашистами вообще присутствовали в первоначальном тексте⁹. «Проект...» вызвал бурную дискуссию в журнале, опубликовавшем 14 откликов, в том числе мате-

риал «За идеологическую чистоту и качественное искусство». В нем Аттила Йожеф назван писателем, симпатизирующим пролетарской революции, а подписали его Шандор Гергей, Антал Гидаш, Бела Иллеш и Золтан Липпай. Инициатором этого материала, по всей видимости, был Шандор Гергей, направленный в ноябре 1931 г. в Москву, а Гидаш просто солидаризировался с данным заявлением. (От руководителей подпольной венгерской компартии Гергей получил задание содействовать реабилитации Аттилы Йожефа¹⁰.) Даже принимая во внимание мнение литературоведа Ференца Ботки о том, что, по сути, выступление это было официальной позицией партии, нельзя утверждать, что Гидаша кто-то мог бы принудить его подписать. Ведь если бы уже в 1932 г. он так люто ненавидел бы А. Йожефа, как полагают некоторые, то отказался бы участвовать в его реабилитации, — ведь никто из тринадцати других выступавших в дискуссии вразрез с «официальным» мнением партии, не понес наказания. В зените славы Гидаша вряд ли так уж интересовала судьба венгерского поэта, с которым он лично даже никогда не встречался.

Случай второй: имя Гидаша нередко упоминалось и в связи с тем, что в 1934 г. на Первый съезд советских писателей был приглашен не Аттила Йожеф, а Дюла Ийеш и Лайош Надь. По мнению известного биографа Йожефа Миклоша Саболчи, ни в Москве, ни в Венгрии приглашение Йожефа в СССР всерьез не обсуждалось, и „очевидно, что Антал Гидаш был бы не в восторге от встречи в Москве с Аттилой Йожефом»¹¹. По мнению Чабы Нады, о составе приглашаемой делегации решение принимали Бела Кун и его непосредственные сотрудники — Гидаш, Б. Иллеш и Ш. Гергей, ибо только они обладали авторитетом в партии, только они имели возможность следить за венгерской журнальной периодикой и, следовательно, только они и имели реальное представление о венгерской литературной жизни¹². Доводы, надо сказать, логичные, но, за отсутствием подтверждающих документов, не стоит их принимать на веру безоговорочно.

Аттила Йожеф во 2-м издании БСЭ

Когда идет речь о канонизации того или иного художника слова в системе политической диктатуры, особенно важным является то, что пишется о них в официальных изданиях данной системы. Для стран советского блока особое значение имела, естественно, Большая Советская Энциклопедия. Ее первое издание вышло в 1926—1947 гг., поэтому на ее страницах не было смысла искать имя Аттилы Йожефа. Однако во втором издании его фигуру уже нельзя было обойти. В 1951 г. редакция поручила написать

статью о венгерском поэте А. Гершковичу, позднее ставшему известным исследователем, главным образом, творчества Шандора Петефи¹³. Написанная Гершковичем статья была затем передана на рецензию А. Гидашу и А. Красновой.

Рассмотрим сперва проект статьи для энциклопедии.

Биографические сведения об Аттиле Йозефе¹⁴

Копия статьи для рецензирования, в редакцию БСЭ

«Йозеф Аттила (1905—1937)

Крупнейший венгерский пролетарский поэт-коммунист, основоположник венгерской поэзии. Сын рабочего Й. А. рано вступает в Венгерскую коммунистическую партию, активно включается в рабочее движение.

В годы разгула фашистской реакции в стране создает циклы стихов, воспевающих борьбу венгерских трудящихся против эксплуататоров: «Не я кричу — земля взывает» (1925), «Свергни капитал» (1931), «Ночь над городской окраиной» (1932) и др.

Выражая думы и чаяния венгерских пролетариев, Й. А. в своем стихотворении «Стачка» и др. заявил, что только диктатура сознательных рабочих может положить конец буржуазной эксплуатации. Его знаменитое стихотворение «Свергни капитал» (1931), несмотря на рогатки фашистской цензуры, получило широкое распространение в стране.

В своей борьбе против несправедливого социального строя Й. А. находит поддержку в обращении к Советскому Союзу и к его передовой литературе.

Ему принадлежит один из немногих переводов на венгерский язык стихотворений В. Маяковского, запрещенных в старой Венгрии («150.000000», 1931).

Жестокое преследование поэта фашистской охранкой, беспощадный террор по отношению к венгерскому рабочему классу, тяжелое моральное состояние поэта в последние годы жизни объясняют появление элементов декаданса, особенно в последний период его творчества. (Цикл стихов «Больно очень», 1936). Не выдержав травли со стороны господствующих классов, Й. А. покончил самоубийством.

В демократической Венгрии передовое наследие Й. А. по достоинству оценено народом и вошло в сокровищницы передовой венгерской литературы».

10 апреля 1951 г. супруги Гидаши, наряду с другими материалами, отправили в редакцию «Энциклопедии» критический отзыв на статью Гершковича

«Возвращаем материал, присланный нам на рецензию. Заниматься этим материалом мы не намерены не только потому, что статьи совершенно невежественны и политически ошибочны, но потому, что они написаны опять тем же злостным халтурщиком А. Гершковичем, о котором уже велось столько разговоров с Вами, к сожалению, безрезультатно.

1. Что касается статьи об Аттиле Йожефе, то смотрите на эту тему выступление Мартона Хорвата в 1950 году и выступление Йожефа Реваи на втором Съезде Венгерской Партии Трудящихся в 1951 году. В этом выступлении Йожеф Реваи, исправляя неверную линию, которая велась, да в какой-то мере еще и продолжается вести по вопросу об Аттиле Йожефе, наконец, заявил: «Не случайно, например, что венгерская поэзия следует не по пути... Аттилы Йожефа, а — в творческом методе и демократизации стиля возвращается к Шандору Петефи... Слабость всех этих великих бунтарей заключалась в том, что они, хотя и ненавидели старый строй и желали нового, однако более или менее были изолированы от народных движений своего времени или не были с ним достаточно сжаты... Поэтому в произведениях этих бунтарей видны черты отчаяния, чуждого народу».

Мы считаем, что в Советской Энциклопедии не могут помещаться невежественные, политически ошибочные материалы — также и материалы, в которых не была бы выявлена советская марксистская точка зрения на литературу, в том числе и на венгерскую литературу.

Вышеозначенный «автор», у которого нет никакой марксистской концепции — либо пишет всякие нелепости, общие слова, пересыпанные элементарными фактическими погрешностями, поскольку он же не дает себе труда хотя бы познакомиться с творчеством авторов, о которых он пишет, либо рабски копирует еще не полностью отстоявшиеся и не всегда верные мнения, которые существовали в Венгрии за последние годы и там же постепенно изживаются».

Упомянутая статья задела Гидаша за живое дважды: мало того, что поэт-соперник оказался в Большой Советской Энциклопедии, так еще и автором статьи о нем стал не менее ненавистный ему Гершкович.

Взаимная ненависть Гидаша и Гершковича не знала пределов. Поначалу они рассорились из-за Петефи. Десятилетия спустя Гершкович готов был признать, что отношения между ними расстроились по его вине:

он не проявлял достаточного уважения к «всесильному» Гидашу, не просил у него советов, а действовал на свой страх и риск. В 1949 г. Гершкович, не посоветовавшись, покусился на заповедную территорию Гидаша: осмелился написать статью о Петефи. «Дело кончилось крахом»¹⁵. В Советском Союзе первейшим венгерским революционным поэтом считался Петефи, о котором читатели могли судить лишь по книге Гидаша. Гершкович же ознакомился с биографией Петефи, написанной в Венгрии Дюлой Ийешем, и тотчас же понял колоссальную разницу в уровне двух этих книг. Профессиональная зависть буквально слепила Гидаша!

Объективности ради надо признать, что отзыв Гидашев на статью Гершковича по большей части был справедлив как в отношении автора, так и Аттилы Йожефа. Статья изобиловала ошибками даже в названиях сборников: вместо «Не я кричу» у Гершковича — «Не я кричу, земля грохочет», вместо «Бей капитал, не скули» у Гершковича — «Бей капитал», Нет у Аттилы Йожефа и стихотворения «Стачка» — автор статьи скорее всего имел в виду стихотворение «Диалог». Не известно нам и «знаменитое стихотворение» «Бей капитал» — хотя в стихотворении «Лесоруб» есть такая общеизвестная строчка: «Эй, не скули, круши устои!» (в современном переводе Ю. Гусева). То, что Гершкович называет стихотворными циклами, являются самостоятельными сборниками, а что касается поэмы Маяковского, то фрагмент из нее Аттила Йожеф перевел годом позже. Кстати, стремясь преуменьшить заслуги Йожефа, ошибается и Гидаш, который пишет в примечании, что Йожеф перевел из Маяковского всего 25 строк (на самом деле — 15!).

Не случайно ни Гершкович, ни Гидаш не упоминают о том, что Аттила Йожеф перевел также есенинскую поэму «Преображение». В 1950-е годы говорить о Есенине было не принято. Под именем Аттилы Йожефа из русской поэзии был также опубликован отрывок из «Двенадцати» Блока, но перевод этот Йожефу только приписывают, ибо оригинальная рукопись так и не обнаружилась и обстоятельства его появления неясны¹⁶.

Ошибки Гершковича в названиях некоторых стихов и сборников с определенной долей доброжелательности можно отнести на счет отказа от переводческого буквализма, однако, помимо этого, статья его изобилует избитыми фразами, пустословием и банальностями. Как можно, например, квалифицировать такую невообразимую нелепость, что Аттила Йожеф является «основоположником венгерской поэзии»? Стоят ли на этом фоне упоминания такие незначительные искажения, как то, что в период между двумя мировыми войнами в Венгрии якобы был разгул фашизма?

Статья об Аттиле Йожефе была опубликована в 1953 г. в 19-м томе 2-го издания Большой Советской Энциклопедии. Текст ее значительно отличается от варианта Гершковича. Авторы словарных статей во 2-м издании БСЭ не указаны, однако из строго секретного дипломатического донесения нам известно, что не слишком лестная для Йожефа статья была написана А. Кун, по-видимому, в соавторстве с А. Гидашем¹⁷. Сборник «Бей капитал, не скули!» они «случайно» забыли упомянуть и здесь, но это бросается в глаза не так сильно, как в «Антологии», поскольку в статье БСЭ из перечисления выпали и другие важные сборники — например, «Нет ни отца, ни матери».

Вокруг 50-летия Аттилы Йожефа

Тщетно ожидая советских публикаций, в которых по достоинству было бы оценено творчество Аттилы Йожефа, венгерская культурная дипломатия пошла на опережающий шаг. В 1952 г. венгерский Институт культурных связей опубликовал на русском языке небольшую книжку о Яноше Аране, Эндре Ади и Аттиле Йожефе¹⁸. О последнем — в стиле политических брошюр того времени — написал Мартон Хорват. Но даже и эта книжка свидетельствовала о том, что без Гидаша и А. Кун обойтись было невозможно: все три включенных в нее перевода из А. Йожефа пришлось заимствовать из их «Антологии».

В сентябре 1952 г. МИД ВНР обратился к московскому посольству с просьбой своевременно обратить внимание компетентных советских организаций и прессы на приближающиеся юбилеи Арана, Ади и Аттилы Йожефа¹⁹. Посольство пообещало принять необходимые меры²⁰, однако глава Иностранной комиссии Союза писателей СССР М. Аппетин в очередной раз отверг притязания венгров на их более активное вмешательство в дела, связанные с отбором венгерских произведений, публикуемых в СССР²¹.

Наступил 1955 г. — год 50-летия со дня рождения Йожефа, юбилея, который ВПТ хотела бы достойно отметить и в Москве. Главная цель — чтобы к этому времени на русском языке, наконец, вышел сборник стихов А. Йожефа — оказалась пустой надеждой. Для того, чтобы этого добиться, по нашим сведениям, предпринимались усилия не только по официальным каналам, но проявлялась, так сказать, и «инициатива снизу». Так, Иштван Кулчар, в 1950—1955 гг. студент факультета журналистики ЛГУ, а позднее московский и нью-йоркский корреспондент венгер-

ского радио, 4 апреля 1955 г. написал в СП СССР письмо об издании и оценке поэзии Аттилы Йожефа в Советском Союзе²². Выдержки из письма Кулчара легли на стол «всемогущего» Д. А. Поликарпова²³, в то время — секретаря правления Союза писателей СССР.

Вопрос, который ставит в своем письме Кулчар: кто повинен в том, что в Советском Союзе до сих пор недостаточно знают поэзию Йожефа, а если что-то и знают, то не полностью и превратно? И смело называет виновных по именам: «Я имею в виду, прежде всего, т. т. Анатолия Гидаша и Анну Краснову». От «Антологии венгерской поэзии» 1952 г. Кулчар не оставляет камня на камне: «1. В своей вступительной статье А. Гидаш глубоко неправильно освещает творчество А. Йожефа. 2. Количество стихов (...) напечатанных в этом сборнике, явно не соответствуют тому месту, которое Йожеф занимает в венгерской поэзии. 3. Подбор стихотворений не выдерживает никакой критики. 4. Часть переводов (...) мягко выражаясь, очень невысокого уровня».

Кулчару непонятно, как мог писать автор предисловия о Йожефе, о «хорошо подготовленном марксисте, авторе ряда марксистских статей, члене подпольной Коммунистической партии Венгрии, руководителе подпольных марксистских кружков, поэте, утверждавшем в своей поэзии неизбежность гибели капитализма путем насильственной революции пролетариата, что он (...) только приближался к революционному мировоззрению»²⁴.

Коснулся Кулчар и вопроса об отношениях А. Йожефа с компартией: «Вульгарно и с рапповских позиций толкуя поэзию Йожефа, в начале 30-х годов некоторые левые сектанты добились его исключения из КПВ. После освобождения венгерская компартия, устами члена своего ЦК, главного редактора (по сей день) газеты «Сабад неп» тов. Мартона Хорвата признала это решение об исключении А. Йожефа из партии глубоко ошибочным и указывала, что это было делом рук левых сектантов (См. статьи и выступления Мартона Хорвата «Коммунист Аттила Йожеф» и др. в сборнике «Lobogónk Petőfi» (Будапешт, 1950, стр. 27—76.) («Наше знамя — Петефи») С тех пор в венгерском литературоведении даже не возникает вопрос о том, был ли Йожеф коммунистом или поэтом-коммунистом, ибо все считают это делом, само собой разумеющимся...»

Кулчар считает, что Аттила Йожеф остался коммунистом и после его исключения из партии, и упрекает Гидаша и Агнессу Кун в том, что они забыли об этом упомянуть. По мнению Кулчара, есть две причины, по которым Гидаш отказывается оценивать Йожефа в соответствии с его

подлинным значением. Первая носит личный характер, и в литературных кругах о ней знают. Вторая причина — принципиальная. Гидаш эмигрировал из Венгрии в 1925 г., и в его литературно-критических взглядах до сих пор ощущаются те левые сектантские черты, которые в конце 1920-х — начале 1930-х годов господствовали в определенных кругах венгерской компартии.

Выступление Иштвана Кулчара в защиту Аттилы Йожефа заслуживает похвалы, но было в нем и нечто загадочное. Как студент университета набрался смелости раскритиковать Гидаша, бывшего чуть ли не папой венгерской литературы в Москве? Почему с этой критикой он не выступил в 1952 г., после выхода «Антологии венгерской поэзии», ведь в Ленинграде он учился с 1950 г.? Коммунистическое движение требовало от своих членов железной дисциплины и не терпело каких бы то ни было партизанских акций. Было ли выступление Кулчара смелой личной инициативой или, возможно, за нею кто-то стоял?

Со слов матери И. Кулчара, Анны Фазекаш, мы знаем, что в течение нескольких лет Аттила Йожеф бывал в их доме чуть ли не ежедневно²⁵, и ее сын, «тогда еще совсем маленький, которого в семье ласкательно называли Митей, стал для поэта настоящим “приятелем”...»²⁶ Таким образом, в 1955 г. на защиту поэта встал повзрослевший к тому времени Митя. Едва ли имеет особое значение, что мать Кулчара сделала блестящую партийную карьеру: член нелегальной компартии с 1924 г., в 1950—1952 гг. она работала в аппарате ЦК ВПТ, а в 1952—1963 гг. руководила двумя издательствами. У ленинградского студента были и более важные родственники — его тетя и, в особенности, дядя. Дело в том, что сестра Анны Фазекаш, Эржебет, участница гражданской войны в Испании, московская эмигрантка и позднее заведующая кафедрой, была женой Эрнё Герё, считавшегося вторым человеком в венгерской компартии. Учитывая этот семейный фон, можно понять, что слова И. Кулчара имели совсем иной вес, чем если бы критика предвзятости Гидаша по отношению к Аттиле Йожефу прозвучала из уст одного из многих студентов журналистского факультета.

То, что личная инициатива студента по имени Иштван Кулчар не возымела действия, можно еще объяснить. Более чем странно другое. В полном бессилии что-либо предпринять — через Будапешт ли, или через Москву — оказалась вся венгерская дипломатия. Между тем московское

посольство Венгрии возглавлял в эти годы не кто иной, как Ференц Мюнних, человек из московской эмиграции, герой испанской войны, имевший в международном коммунистическом движении весьма высокий авторитет.

После этого фиаско Петер Юхас, атташе по культуре венгерского посольства в Москве, составил подробную записку о советской оценке Аттилы Йожефа. Записку чрезвычайно поучительную, на многое проливающую свет и потому заслуживающую того, чтобы привести ее здесь полностью²⁷.

Совершенно секретно!

Москва, 30 сентября 1955 г.

Тема: Об оценке Аттилы Йожефа в Советском Союзе

Отпечатано в 4 экз.

3 экз. — в Центр

1 экз. — в Посольство

446/сов. секр.—55.

Референт: Петер Юхас²⁸

Все недостатки, которые наблюдаются в области перевода и популяризации венгерской литературы (то, что переводятся зачастую не самые подходящие для этого произведения, то, что советским читателям до сих пор не известна поэзия, напр., Аттилы Йожефа и Дюлы Ййеша; неверно определяется место отдельных поэтов и писателей в венгерской литературе, о чем свидетельствует состав изданных антологий, и проч.), происходят, по моему мнению, оттого, что популяризация венгерской литературы, перевод либо замалчивание тех или иных писателей и поэтов зависели — в сущности — от одного человека, венгерского консультанта Союза писателей СССР товарища Антала Гидаша.

Популяризацией венгерской литературы в Советском Союзе в настоящее время занимаются 5—6 человек. Эти товарищи — в основном еще молодые литераторы, хорошо знающие отдельные области венгерской литературы, однако, будучи еще начинающими критиками, в литературных дискуссиях они не могут высказываться достаточно веско и авторитетно. В Союзе писателей СССР и других органах культуры все проблемы и спорные вопросы, связанные с венгерской литературой, до сих пор так же решались всегда на основе мнения товарища Гидаша.

В решении проблем и спорных вопросов, связанных с венгерской литературой, в Союзе писателей СССР, в советской культурной прессе и редакциях журналов — по моим наблюдениям — мнение товарища Гидаша до сих пор имело больший вес, чем мнение Союза венгерских писателей или Посольства. По-моему, объяснять это только широкими личными связями товарища Гидаша было бы неверно. Надо признать, что, даже несмотря на многие ошибочные взгляды, товарищ Гидаш — наилучший знаток венгерской литературы в Советском Союзе. Поэтому он и смог взять в свои руки все вопросы, связанные с венгерской литературой. Я считаю, что в интересах популяризации венгерской литературы эту монополию нужно пресечь. А чтобы этого добиться, необходимо иметь больше хороших специалистов среди советских товарищей, занимающихся венгерской литературой. По моему мнению, было бы правильно пригласить в 1956 г. в Венгрию на двухмесячную стажировку товарища Хершковича²⁹.

В Союзе писателей СССР товарищ Гидаш имеет серьезный авторитет не только как популяризатор венгерской литературы, но как поэт и писатель. Различные произведения товарища Гидаша опубликованы в Советском Союзе более чем 30-ю изданиями в сотнях тысяч экземпляров. На днях тиражом в 150 тыс. экземпляров вышло 7-е издание его романа «Господин Фицек». В 30-е гг. советские критики ошибочно преувеличили значение его творчества. Его поэзию называли «образцом пролетарской поэзии». Вот несколько характерных примеров:

«Недавно опубликованный сборник стихов венгерского пролетарского поэта товарища Гидаша — это пример и урок и для наших поэтов. Вот он, истинный образец пролетарской поэзии...»

Правда, 28 августа 1930 г.

«Сборник стихов “Колонии кричат!” Анатоля Гидаша в полной мере явление совершенно уникальное в интернациональной пролетарской поэзии».

Маркс[истско]-ленинское искусствознание, 1932, № 5—6³⁰.

«...Книга стихов венгерского поэта-коммуниста Анатоля Гидаша “Суд идет” — большое и выдающееся событие интернациональной пролетарской поэзии. Не знаю даже, кого можно было бы поставить в один с ним ряд. Возможно, одного только Маяковского».

«Ленинград», август 1930 г.³¹.

«Анатоль Гидаш — прямой наследник Петефи. Та же беззаветная верность страждущим массам, та же ненависть к тирании господ, тот же взы-

вающий клич к беспощадной расправе с недругами народа, та же пылающая в душе вера в то, что только в революционной борьбе народ обретет свое счастье, — тот же самый талант провидца».

*Луначарский*³².

Авторитет товарища Гидаша как поэта в 40—50-е гг. понизился, его творчество уже не считается образцом интернациональной «пролетарской поэзии», но лавры 30-х гг. еще не совсем увяли. На Втором Съезде советских писателей среди трех венгерских писателей-эмигрантов³³, удостоенных кратко приветствия, прозвучало и имя товарища Гидаша. С его именем советские трудящиеся могли встретиться и в последние дни. 11 сентября в московских книжных магазинах проходили встречи читателей с известными советскими писателями. На плакатах, посвященных этому событию, в числе известных советских поэтов фигурировало и имя товарища Гидаша. Кое-кто из советских литераторов — пусть не в статьях, а только в устных беседах — определяет место товарища Гидаша рядом с Аттилой Йожефом и Миклошом Радноти, а то и впереди них.

Надо думать, немного найдется поэтов, которые после таких оценок не уверуют в своей талант и усомнятся в критических отзывах, которые выдвигают их поэзию в качестве образца для пролетарских поэтов.

Как показывает практика, товарищ Гидаш не сомневается в правильности вышеприведенных оценок.

Данному вопросу я уделяю так много внимания, ибо, если учесть, что товарищ Гидаш, на основании объективных, по его мнению, оценок и прислушиваясь к голосу собственного поэтического тщеславия, всерьез полагает, что его творчество есть «образец пролетарской поэзии», то легче будет понять поведение обиженного, «замалчиваемого у себя на родине» поэта. По моему убеждению, только учитывая все сказанное, можно понять соперничество Гидаша с Аттилой Йожефом, точнее сказать, ошибочные взгляды товарища Гидаша об Аттиле Йожефе. Считаю, что от пропаганды поэзии Аттилы Йожефа и ее верной оценки товарища Гидаша удерживает творческая ревность и опасение за то воображаемое место, которое он отводит себе в венгерской литературе. Ведь если советские читатели узнают истинное величие и значение Аттилы Йожефа, то место Гидаша будет ими определяться не рядом с Петефи и Эндре Ади.

На мой взгляд, было бы правильным, если Союз венгерских писателей помог бы товарищу Гидашу и его приверженцам обозначить место товарища Гидаша в венгерской литературе. Я не считаю совершенно правильным то, что делалось в этом отношении Союзом венгерских писателей до сих пор, а именно полное игнорирование товарища Гидаша как венгерского поэта. По-моему, в антологии «Венгерские стихи семи столетий» нашлось место и для поэтов, менее значительных, чем товарищ Гидаш. (К данному реферату я прилагаю несколько стихотворений Гидаша.)

Поэзию Аттилы Йожефа в Советском Союзе пока что не знают. До сих пор на русском языке было опубликовано 14 его стихотворений. Следует заметить, что среди них оказались и стихи, которые не относятся к лучшим произведениям поэта и не характерны для поэзии Йожефа в целом. Каким образом, например, среди переведенных четырнадцати оказались стихотворения «Печаль» и «Без надежды»? Не для того ли, чтобы оправдать утверждение товарища Гидаша: «Не будучи достаточно глубоко связан с революционным народным движением, Йожеф подчас впадал в отчаяние, не видел выхода ни для себя, ни для венгерского народа. Поэтому в его творчестве встречаются стихи болезненные, индивидуалистические»³⁴.

До 24 сентября 1955 г. на русском языке об Аттиле Йожефе писали дважды: в «Антологии венгерской поэзии» и Большой Советской Энциклопедии. Одна оценка принадлежит товарищу Гидашу, другая — его жене Анне Красновой. В связи с последней статьей хочу обратить внимание на то, что редакция Большой Советской Энциклопедии в прошлом году направляла в ЦК нашей партии несколько проектов статей, касающихся Венгрии, в том числе и корректуру планируемой статьи об Аттиле Йожефе. ЦК высказал свои возражения и предложил другой текст статьи. Замечания и предложенную статью мы своевременно переслали в редакцию Большой Советской Энциклопедии, но, несмотря на это, в Энциклопедии была опубликована статья, против которой возражал ЦК. На наш запрос Энциклопедия сообщила, что предложение до них не дошло, и поэтому, с соответствующими запоздалыми извинениями, они обещали нам исправить статью в следующем издании.

Что касается Союза писателей, то ему мы в последние годы неоднократно передавали одобренные венгерскими инстанциями списки венгерских художественных произведений, рекомендуемых нами для публикации в Советском Союзе. В этих списках неоднократно фигурировал сборник избранных стихотворений Аттилы Йожефа, однако Союз писателей это игнорировал. Весной текущего года аналогичное предложение

мы передали руководителю Иностранной комиссии Союза писателей товарищу Аплетину, подчеркнув, что главным пунктом предлагаемого списка считаем издание однотомника Аттилы Йожефа — тем более что в этом году будет отмечаться 50-летие со дня его рождения. Зная, что об издании избранных произведений Йожефа или о его отклонении решение будет приниматься не на основе рекомендаций Союза венгерских писателей, а на основе мнения товарища Гидаша, мы побеседовали с товарищем Гидашем. Хотелось его убедить, ибо, независимо от побудительных причин, в деле популяризации венгерской литературы им уже сделано очень много. Нам хотелось сотрудничать с ним и в плане перевода и популяризации поэзии Аттилы Йожефа. С одной стороны, это облегчило бы все дело, так как у товарища Гидаша много друзей среди советских поэтов, а с другой — это не усугубило бы, а, напротив, улучшило отношения между Посольством и товарищем Гидашем. Товарищ Гидаш пообещал нам поддержку в деле издания однотомника Йожефа. Позднее, однако же, сообщил, что, вероятно, издание неосуществимо, ибо «встречает сопротивление со стороны компетентных советских товарищей».

В начале этого года товарищ Антал Гидаш обещал нам по нашей просьбе, что напишет сам и закажет другим авторам статьи по случаю юбилея Аттилы Йожефа для «Литературной газеты», «Советской культуры» и «Огонька». Обещанные статьи об Аттиле Йожефе в упомянутых изданиях так и не появились. Незадолго до юбилея мы предложили «Литературной газете» и «Советской культуре» статью об Аттиле Йожефе, подготовленную в Венгрии. Ссылаясь на разные причины — прежде всего перегруженность материалами, — ни то, ни другое издание статью не приняло. По случаю юбилея Аттилы Йожефа в Советском Союзе вышла только одна статья — во Львове, написанная Тибором Ваго³⁵.

Как сообщали мои советские знакомые, в марте — по-видимому, под влиянием товарища Гидаша — Союз писателей принял решение о том, что отмечать 50-летие Аттилы Йожефа не стоит. После такого решения Союза писателей понятно, почему советские издания отказались принять статьи об Аттиле Йожефе, а если и согласились, то почему не опубликовали. (Товарищ Гидаш, кстати, написал для «Огонька» статью и даже послал фотографию! «Огонек» статью принял, но не опубликовал.)

25 июля, во время демонстрации кинофильма в китайском посольстве товарищ Юхас беседовал с редакторами «Советской культуры» и «Литературной газеты», а также с руководителем Иностранной комиссии Союза писателей СССР. В ходе беседы упомянутые советские товарищи сооб-

шили, что, по их информации, к пролетарской поэзии относится только часть творчества Аттилы Йожефа, что начальный период его творчества характеризуется мелкобуржуазным анархистским подходом, а стихи последних лет жизни — пессимистическими настроениями. Товарищ Аплетин заметил при этом, что, по его мнению, пессимизм Аттилы Йожефа происходил из-за отсутствия связи с революционным движением и компартией. Это мнение совпадает с мнением товарища Гидаша, которое он распространяет об Аттиле Йожефе.

Практика показала, что в деле перевода и распространения поэзии Аттилы Йожефа рассчитывать на Антала Гидаша мы не можем, более того, подлинная оценка Аттилы Йожефа требует борьбы с неверными взглядами товарища Гидаша.

За последние месяцы для реальной оценки Аттилы Йожефа нами проделана широкая пропагандистская работа. Переведена статья Мартона Хорвата «Поэт рабочего класса». Эту статью, а также 20 подстрочных переводов из Аттилы Йожефа, товарищ Юхас передал руководителю Иностранного отдела Министерства культуры, редакции «Иностранной литературы», руководителю Иностранного отдела Союза писателей СССР и целому ряду советских товарищей, занимающихся венгерской литературой.

После беседы с товарищем Юхасом Министерство культуры попросило Союз писателей СССР пересмотреть прежнюю советскую оценку Аттилы Йожефа. 30 сентября, на приеме в честь Б. Бартока, сотрудник Министерства культуры А. М. Дюжев сообщил, что вопросом Аттилы Йожефа занимается также заместитель министра культуры СССР Н. Е. Твердохлебов.

Он также упомянул, что статья Мартона Хорвата и переведенные на русский язык стихи Йожефа понравились товарищу Твердохлебову.

Товарищ Аплетин, руководитель Инокомиссии Союза писателей, после ознакомления со статьей Мартона Хорвата и подстрочными переводами из Аттилы Йожефа, а также под влиянием нескольких бесед с товарищем Юхасом, пообещал, что Союз писателей в будущем примет конкретные меры в интересах реальной оценки Аттилы Йожефа и популяризации его творчества, поскольку руководство Союза пришло к выводу, что до этого получало об Аттиле Йожефе неверную информацию. Несколько недель назад Союз писателей попросил товарища Хершковица — с которым товарищ Юхас также неоднократно беседовал о проблеме Аттилы Йожефа и передал ему статью Мартона Хорвата, — написать об

Аттиле Йожефе статью для «Литературной газеты». Статья товарища Хершковича, в которой однозначно опровергается сложившееся об Аттиле Йожефе неверное мнение, является первым шагом в Советском Союзе к правильной оценке поэзии Йожефа. В настоящее время товарищ Хершкович пишет вторую статью об Аттиле Йожефе, которая будет опубликована также в «Литературной газете».

Редакция «Иностранной литературы», которую также посетил товарищ Юхас, пообещала опубликовать статью Мартона Хорвата в декабрьском номере³⁶.

29 сентября на приеме по случаю Дня Народной Армии товарищ Юхас беседовал с товарищем Новиковым, венгерским референтом МИД СССР. Последний сообщил, что по просьбе советских писателей посольство СССР в Будапеште подготовило подробную записку об оценке творчества Аттилы Йожефа в Венгрии. По словам товарища Новикова, в этой записке также обращено внимание на то, что до сих пор творчество Аттилы Йожефа, «крупнейшего венгерского пролетарского поэта» оценивалось в Советском Союзе ошибочно³⁷.

Венгерская сторона не уставала предпринимать самые разнообразные инициативы. В октябре 1955 г. МИД Венгрии предложило, чтобы, наподобие парижского отдела прессы, венгерское посольство в Москве тиражировало стихи Аттилы Йожефа и статьи о нем и предоставило эти материалы редакциям газет и журналов, институтам, университетам и т. д., подготавливая тем самым почву для издания солидного сборника произведений Аттилы Йожефа³⁸. Мы не знаем, дошло ли это предложение до Москвы, известно лишь, что оно не осуществилось.

Скандал с юбилеем Аттилы Йожефа нашел отражение и в записке руководителей и сотрудников отдела культуры ЦК КПСС Д. Поликарпова, Б. Рюрикова и В. Иванова от 19 января 1956 г.: «В апреле 1955 года по решению Венг. партии трудящихся праздновалось 50-летие со дня рождения Аттилы Йожефа, известного венг. пролетарского поэта. Юбилей был отмечен также во всех странах народной демократии. Наша же печать, дезориентированная Союзом писателей, не откликнулась на это событие, что вызвало обиду в Венгрии. Секретари СП СССР т.т. Сурков и Полевой и сейчас рассматривают празднование юбилея Аттилы Йожефа, как ошибку венг. друзей»³⁹.

То, что в Советском Союзе не был отмечен юбилей Йожефа, беспримерно и поразительно с нескольких точек зрения. Во-первых, это свидетельствовало о невероятной прочности тоталитарной системы. При отсутствии соответствующих директив свыше в 150-миллионной стране по случаю знаменательного юбилея была опубликована всего лишь одна статья. Беспрецедентно это событие и в том смысле, что в Венгрии, братской стране, о юбилее официально признанного партией поэта было принято специальное постановление ЦК ВПТ, а в Советском Союзе, игнорируя тезис о том, что страны социалистического лагеря должны быть едины и в культурной политике, этого просто не заметили. В СССР не был отмечен юбилей поэта, именем которого в 1950 г. в Венгрии была названа одна из самых престижных литературных премий. Ни Сурков, ни Полевой венгерского языка не знали и о достоинствах поэзии Йожефа судить не могли. Значит за ними стояли «советчики».

Оба, Полевой и Сурков, поддерживали с четой Гидашев дружеские отношения. Вот цитата из Гидаша: «Или мог ли я когда-либо забыть те шесть слов: “Ручаюсь за него партбилетом и головой...”», которые Сурков написал обо мне во времена, когда мог запросто лишиться за эти слова и партбилета, и головы?!»⁴⁰. О Полевом с большой благодарностью отзывалась Агнесса Кун: «Для него (Бориса Полевого. — А. Б.) я была в первую очередь дочерью Белы Куна, причем акцент ставился не на дочери, а именно на отце. Вот почему он так много помогал мне в трудные годы, вот почему, вместе с Фадеевым и Сурковым, защищал от нападков и неприятностей»⁴¹. Поэтому вряд ли я ошибусь, если предположу, что Сурков и Полевой опирались прежде всего на «экспертное мнение» Гидашев.

В год юбилея в Советском Союзе стихотворений Аттилы Йожефа было опубликовано столь же мало, как и статей о нем. В декабрьском, 6-м, номере «Иностранной литературы» была напечатана подборка из 4 стихов. Результат весьма скромнен, если учесть, какую широкую пропагандистскую работу проводило в тот год посольство⁴².

Расхождения в оценке Аттилы Йожефа были постоянной темой на переговорах руководителей учреждений культуры двух стран. В конце 1955 г. в Советском Союзе побывали Иштван Кирай и Дюла Ийеш. Из донесения их переводчика мы знаем, что оба встречались с атташе по культуре Петером Юхасом, и основной темой их переговоров был вопрос об Аттиле Йожефе⁴³. По возвращении на родину И. Кирай по собственной инициативе встретился с атташе по культуре посольства СССР в Будапеште В. Н. Келиным. Атташе составил об их беседе подробную записку⁴⁴. Кирай

отметил в беседе, что советский и венгерский союзы писателей по-разному оценивают ряд явлений венгерской литературы, в том числе и творчество Аттилы Йожефа⁴⁵. Гидаш демонстративно встречался только с Ийешем, игнорируя литературного чиновника Кирая, но из слов, оброненных Ийешем, Кирай понял, что «Гидаш получил большой нагоняй в связи с позицией в оценке творчества Аттилы Йожефа и очень недоволен. Однако, хотя и были предприняты официальные шаги с целью исправить в этом отношении положение, Гидаш сказал, что советские писатели и читатели не принимают творчество Аттилы Йожефа, не считают его пролетарским поэтом Венгрии»⁴⁶. Отметим Кирай и то, что в «Антологии венгерской поэзии» — полностью искажая всю картину — после Петефи главное место занимает Гидаш. Кирай точно охарактеризовал наличие переводческих лагерей. Существуют два лагеря. Более старшими руководят Антал Гидаш и Агнесса Кун. «Молодые» же более прогрессивны, к ним относятся Громов⁴⁷, Гершкович и некоторые другие⁴⁸. Отношения между группировками трудно назвать нормальными. По мнению Кирая, о влиятельности Гидаша свидетельствует, в частности, то, что переведенная уже книга Ийеша о Петефи не издается, и только по той причине, чтобы не испортить впечатление читателей о значительно более слабой книге, которую написал о Петефи Гидаш⁴⁹.

1958 год, сборник Аттилы Йожефа под редакцией А. Гершковича

В конце января 1956 г. венгерское посольство в Москве телеграфировало в Будапешт о том, что в текущем году в Советском Союзе будет, наконец, издан долгожданный сборник произведений Аттилы Йожефа. Хотя больших обольщений по этому поводу не было — в книгу планировалось включить всего 3000—3500 строк⁵⁰. Первоначально предполагалось, что состав сборника подготовят венгерский Институт культурных связей и Министерство народного образования, а в качестве предисловия рассматривалась одна из статей А. Гершковича. По информации МИД ВНР от 9 февраля 1956 г., статья — за исключением нескольких преувеличений — в целом хорошая, актуальная и, вообще, она будет в советской прессе первой работой, по достоинству оценивающей творчество Йожефа⁵¹. МИД Венгрии возлагал на эту статью большие надежды: «...В отличие от многочисленных утверждений и инсинуаций Антала Гидаша, как устных, так и письменных, здесь подчеркивается и на конкретных, взятых из

текстов поэта примерах доказывалось, что уже в ранний период творчества для Аттилы Йожефа (...) были характерны не формализм и идейные шатания, а все более четко выкристаллизовавшаяся идейная стойкость. (...) Именно боевая, революционная поэзия Аттилы Йожефа ярче всего опровергает утверждение Антала Гидаша о том, что венгерская пролетарская поэзия сформировалась не в Венгрии, а в эмиграции, укоренившись в произведениях поэтов, живших и примкнувших к рабочему движению за границей»⁵². Но радость была преждевременной, ибо за весь 1956 г. увидела свет лишь вышеупомянутая статья Мартона Хорвата.

И тогда руководство венгерской культурной политики решилось на акцию, замаскированную под частную инициативу. В конце марта 1956 г. в Москву в качестве туриста отправился влиятельный и авторитетный в партийных кругах академик Йожеф Вальдапфель. Петер Юхас, бывший его ученик, «случайно» встретившись с ним, предложил ему прочесть несколько лекций об Аттиле Йожефе⁵³. Венгерский посол в Москве, всегда ожидавший указаний партии и слепо их выполнявший Ференц Мюнних, обрадовался «случайной» возможности. На лекции присутствовали Антал Гидаш и Агнесса Кун, которым, как писал в своей статье по возвращении в Венгрию Вальдапфель, «принадлежат большие заслуги в деле популяризации венгерской литературы в Советском Союзе и воспитании интересующихся ею молодых литераторов, но их же предубеждения в значительной степени препятствовали до сих пор признанию Аттилы Йожефа советской литературной общественностью»⁵⁴. Если до этого чету Гидашев упрекали лишь закулисно, то Вальдапфель — впервые и первым — объявил без обиняков широкой общественности то, о чем прежде было принято говорить в кулуарах. На лекции присутствовал целый ряд советских специалистов, занимающихся венгерской литературой, напр., поэт Леонид Мартынов, а также переводчики О. В. Громов, И. В. Салимон, Е. И. Малыгина, О. К. Россиянов. Целью лекции Вальдапфеля было прежде всего убеждение, поэтому он не скупился на похвалы в адрес Аттилы Йожефа, «одного из крупнейших в мировом масштабе, если не самого крупного, поэта пролетариата»⁵⁵. В конце своей лекции он заявил о своих намерениях прямо: «Главный путь к тому, чтобы поэт занял в мировой литературе достойное его место, ведет через литературу советскую, через то, чтобы нашего великого поэта узнали советские поэты и переводчики. И я был бы рад, если сказанные здесь краткие слова способствовали бы тому, чтобы это осуществилось»⁵⁶. Достаточно ясно выразился и посол Мюнних, заявив, что целью собрания является подготовка достойной антологии стихов Аттилы Йожефа. О всех присутствовавших Вальдапфель говорил

лестные слова, но самых больших дифирамбов удостоился А. Гершкович. Гершковича Вальдапфель хвалил потому, что уже вел с ним переговоры о будущем сборнике Аттилы Йожефа. По-видимому, мы будем недалеко от истины, если скажем, что венгерское партийное руководство к этому времени уже приняло решение: готовить издание Йожефа в обход Гидашев, поручив работу над русскоязычным изданием Йожефа А. Гершковичу.

Скромной прелюдией к желанному сборнику стала статья Н. Тихомировой⁵⁷. Было в этой статье и немало ошибок, но самым поразительным оказалось то, что в связи с Аттилой Йожефом автор умудрился обрушить целый поток проклятий по поводу венгерской революции 1956 г.: «Характерно, что в период октябрьских событий 1956 года в Венгрии фашистские элементы надругались над памятником поэта»⁵⁸.

В конце концов первый сборник Аттилы Йожефа, включавший в себя 130 стихотворений, увидел свет в 1958 г., подготовленный командой Гершковича⁵⁹. Составителями сборника были В. Байков⁶⁰, Б. Гейгер⁶¹ и А. Гершкович, предисловие написал А. Гершкович, редакторами переводов выступили Б. Гейгер и А. Големба⁶². Книга была воспринята без большого воодушевления. Как писал Иштван Кулчар, если из большинства венгерских классиков на русский язык было переведено довольно много стихов, то Аттиле Йожефу — «в результате предвзятых, сектантских оценок и *прочих причин*»⁶³ (выделено мною. — А. Б.) «не повезло»⁶⁴. Состав получился односторонний, треть сборника составляют стихи ранних лет, при этом отсутствуют такие великие произведения, как «С чистой душой», «Ода», «Раздумье», «Запоздалый плач», «У Дуная», «Очень больно», «Родина моя». Остается надеяться, пишет Кулчар, что в будущем «выйдет в свет и более полный сборник, в котором голос Аттилы Йожефа зазвучит в исполнении самых лучших советских поэтов и переводчиков»⁶⁵. Другие рецензенты, по сути, говорили о тех же достоинствах и недостатках сборника. В дискуссию вступил и Йожеф Вальдапфель, которому показалось странным отсутствие в сборнике самых поздних и самых значительных стихотворений Йожефа. И хотя среди переводов есть почти безупречные, автора удивило большое количество недоразумений. Тем не менее, заключает он, «опубликованный сборник Йожефа гораздо лучше, чем идущая о нем слава»⁶⁶. Снисходительность академика по отношению к уровню сборника можно понять: ведь он во время своей «туристической поездки» не только способствовал его появлению на свет, но и подстрочные переводы, которыми пользовались переводчики, отчасти были выполнены его сотрудниками⁶⁷.

Гершкович и его соредакторы, очевидно, не включили важнейшие произведения Йожефа по идеологическим соображениям, однако в одном случае, и это легко доказать, вина лежит не на них. Стихотворения 1926—1937 гг. представлены в сборнике по годам, при этом начало каждого года отделено от предыдущего иллюстрацией к тому или иному, характерному для данного года стиху. Стихи 1936 г. на 179 странице предваряет иллюстрация, явно выполненная к стихотворению «У Дуная», однако само это стихотворение в книге отсутствует. Загадку раскрыл тот же Вальдапфель: «Насколько я знаю, отсутствие этого стихотворения — результат предвзятости тех же людей, которые повинны в искажениях, имеющих в статье об Аттиле Йожефе в Большой Советской Энциклопедии»⁶⁸. Как видим, и тут помешали Гидаши!

Сам Гершкович оценивал книгу реалистически: «Она имеет свои недостатки, но главное — начало популяризации Йожефа в Советском Союзе было положено»⁶⁹.

Люди, боровшиеся за популяризацию в Советском Союзе Аттилы Йожефа, не знали, то ли радоваться, то ли плакать: все, включая Гершковича, готовились делать новый и лучший сборник: «В ближайшее время мы планируем подготовить с участием самых лучших советских поэтов и переводчиков новое, второе, расширенное издание произведений великого венгерского пролетарского поэта. В составлении новой книги Аттилы Йожефа примет участие и посетивший недавно Венгрию писатель Леонид Соболев»⁷⁰. Председатель Правления Союза писателей РСФСР Соболев был увлечен венгерской культурой. Эта симпатия зародилась у него под влиянием Ласло Немета, покоровшего русского коллегу своей энциклопедической образованностью. Соболев, правда, в работу над сборником не включился, но в 1959 г. так отозвался об Эндре Ади и Аттиле Йожефе: «Прекрасные поэты, поражающие своей неповторимой индивидуальностью. Пообещаем нашим венгерским друзьям, что в ближайшее время они займут достойное место в литературном сознании советских людей. Необходимо, с привлечением самых талантливых наших переводчиков, выпустить объемные книги стихов и Ади, и Аттилы Йожефа...»⁷¹

Сборник Аттилы Йожефа 1962 года

После выхода в свет сборника стихов под редакцией А. Гершковича один из сотрудников венгерского посольства в Москве в записке от 12 января 1959 г. оценивал ситуацию следующим образом: «Учитывая, что в последнее время Гидаш в определенном смысле препятствовал изданию Ат-

тилы Йожефа на русском языке, группировка Хершковича (sic!) воспользовалась этим для того, чтобы ослабить «тегемонию» Гидаша. Вопросы, связанные с изданием Йожефа, в известной мере дезориентировали и Посольство, которое, оказывая всемерную поддержку группе Хершковича, тем временем почти полностью прервало связи с Гидашем, а, в результате, и с репрезентативными представителями советской литературы. К выводу о том, что ситуацию эту надо менять, помимо обычной логики, нас приводят и разного рода практические вопросы. Один из них заключается в том, что к настоящему времени Гидаш существенно пересмотрел свое отношение к Аттиле Йожефу: сегодня он уже заявляет о том, что всегда придавал большое значение поэзии Йожефа и сделает все для того, чтобы в ближайшее время стихи Йожефа вышли на русском языке в переводе крупнейших поэтов»⁷².

Пока мы не знаем, добровольно ли или из корыстных побуждений изменил свою точку зрения Антал Гидаш, но в апреле 1959 г. в Москве — за полгода до своего долгожданного возвращения в Венгрию, а может, и в интересах этого возвращения, он заявил: «Я хотел бы (...) опубликовать более полное издание поэзии Аттилы Йожефа, переведенной на более высоком художественном уровне»⁷³. Игнорировать Гидаша и его друзей-поэтов нельзя было и потому, что, как вскоре выяснилось, немалыми предубеждениями относительно венгерской литературы отличался и Гершкович. Например, русскому изданию произведений Жигмонда Морица он препятствовал всеми силами лишь по той причине, что за него болели душой Гидаш и А. Кун.

Положение руководителей венгерской культурной политики облегчил тот факт, что осенью 1959 г. служившие им помехой Гидаши перебрались в Венгрию и, как полагалось дисциплинированным членам партии, приняли ту оценку Аттилы Йожефа, которая была выработана венгерской компартией. В конце концов, с какой стати было испытывать поставленному на колени Гидашу неизменную ненависть к Аттиле Йожефу? Агнеса Кун, несомненно, права: связь Йожефа с Юдит Санто имела к этому меньше всего отношения. Ненависть Гидаша питалась творческой завистью. Будучи человеком самолюбивым, он искренне верил вышеупомянутым дифирамбам Луначарского и других критиков и считал себя величайшим венгерским пролетарским поэтом. Его участие в рабочем движении, верность партии, семейные связи, идеологически «правильная» поэзия, как видимо, полагал он, позволяли ему занять после 1945 г. достойное третье место в «генеральной линии» развития всей венгерской

литературы рядом с Петефи и Эндре Ади. На родине эта его надежда окончательно развеялась, пришлось взглянуть в лицо горькой реальности и признать свое поражение.

В марте 1961 г. в Советский Союз прибыла делегация Союза венгерских писателей во главе с его председателем Йожефом Дарвашем и, в частности, договорилась с советскими коллегами об издании в начале 1962 г. сборника избранных произведений Аттилы Йожефа. С этой целью под председательством К. Симонова была создана подготовительная комиссия, в которую с венгерской стороны вошла и Агнесса Кун. Автором предисловия, как предполагалось, должен был стать Симонов⁷⁴. Таким образом, второй русскоязычный сборник Йожефа оказался уже в руках Гидашев!

Некоторое представление о наличии двух враждебно настроенных лагерей переводчиков венгерская делегация смогла составить при посещении Союза писателей СССР. Среди прочих, выступил там и Гершкович — с резкой критикой в адрес Гидаша, который «в течение многих лет препятствовал выходу сборника Аттилы Йожефа, именно Гидаш и Гослитиздат повинны в задержке с переводом, в том, что советский читатель так долго не знал, кто такой Аттила Йожеф и какова его поэзия»⁷⁵. Очевидно, что выступить с публичными инвективами в адрес Гидаша Гершковича побудило известие о том, что в подготовительную комиссию планируемого нового сборника Йожефа включили Агнессу Кун и книга будет издаваться в Гослите — «издательстве Гидашев». То есть, Гершкович осознал, что Гидаши нанесли ответный удар и его «команда» будет отстранена от этой работы.

28 августа 1961 г. Йожеф Дарваш направляет К. М. Симонову письмо, в котором выражает глубокую радость в связи с тем, что Гослитиздат выпустит в 1962 г. книгу Йожефа, и надеется «что после не совсем удачного сборника избранных стихотворений А. Йожефа, читатель сможет, наконец, познакомиться с подлинной поэзией великого поэта». В официальном письме Дарваш обращается к Симонову также с просьбой написать к сборнику предисловие⁷⁶. О всей щекотливости и сложности дела свидетельствует именно эта попытка заручиться поддержкой Симонова, ибо в то время в Советском Союзе он был, пожалуй, самым влиятельным литератором.

11 апреля 1961 г., в день рождения поэта, в Центральном доме литераторов состоялось торжество. Вечер открыл секретарь Союза писателей СССР Алексей Сурков⁷⁷. Тот самый Сурков, который в 1955 г. считал ошибкой проведение юбилея Аттилы Йожефа в Венгрии. На вечере был

и поэт Е. Евтушенко, окруженный восторженным вниманием со стороны венгерских официальных лиц. Вот что писал об этом один из советников посольства: «Речь снова зашла о том, что было бы хорошо, если бы он взялся переводить стихи Йожефа. Такое желание у Евтушенко есть. Делу могло бы способствовать, если бы он смог посетить Венгрию. Поэтому мы еще раз рекомендуем компетентным венгерским организациям рассмотреть вопрос о приглашении Евтушенко в Венгрию»⁷⁸. Но из-за финансовых сложностей эта поездка не состоялась⁷⁹.

Однако Гершкович с победой Гидашев не смирился. Шансов работать с Гослитиздатом у него не было, поэтому нужны были другие возможности. В мае 1961 г. — очевидно, с подачи Гершковича — советник венгерского посольства в Москве Йожеф Олах предложил организовать издание сборника Йожефа в переводе Евтушенко в популярной книжной серии журнала «Огонек»⁸⁰. Правда, объем сборника составил бы всего

1 000 строк, но издание все же оправдало бы себя, ведь тираж «Библиотечки Огонька» составлял тогда от 200 до 300 тысяч экземпляров.

Летом 1961 г. первый заместитель министра культуры ВНР Дёрдь Ацел направляет письмо заместителю министра культуры СССР А. Кузнецову⁸¹, где уже как о факте говорится: к 25-летию со дня смерти поэта Гослитиздат выпустит сборник стихотворений Агтилы Йожефа, для которого подстрочные переводы готовят Антал Гидаш и Агнесса Кун.

Продолжается и параллельная акция. Но «Огонек» планировал опубликовать книжку уже только из тридцати прежних переводов тиражом «всего лишь» 120 тысяч экземпляров. Этим сборником Гершкович намеревался опередить Гидаша и А. Кун. В Венгрии этот план не вызвал большого энтузиазма, поскольку речь шла о сокращенном издании того самого сборника 1958 г. под редакцией А. Гершковича, уровнем которого все были недовольны. Весной 1962 г. Ацел попросил редакцию «Огонька» взять для издания новые переводы, уже подготовленные для Гослитиздата, а редактирование издания передать Агнессе Кун. Однако журнал отказался поручить ей редактирование — ведь за кулисами стоял А. Гершкович. Дело о споре между «Огоньком» и Гослитиздатом дошло до министра культуры. Пал Илку обратился в московское посольство с просьбой уговорить «Огонек» отложить выпуск сборника до выхода книги Йожефа в Гослитиздате⁸². Но журнал рассчитывал хотя бы получить гарантии, что Гослитиздат передаст ему для публикации новые переводы. Дело в том, что по тогдашним советским законам Гослит в течение четырех лет имел исключительные права на переиздание опубликованных им переводов.

«Огонек» был готов к компромиссу. Предложение заключалось в том, чтобы составителем сборника в «Библиотечке «Огонька» выступил А. Гершкович, редактором была Агнесса Кун и оба издания вышли одновременно. Однако А. Кун была непреклонна, настаивая на том, чтобы сборник «Огонька» был опубликован после гослитовского, а новые переводы готова была предоставить журналу лишь в случае, если редактирование будет поручено ей. Дело привело к дипломатическим осложнениям.

16 мая 1962 г. Йожеф Олах в подготовленной им записке взвешивает, к каким возможным последствиям могут привести просьба министра Илку и упрямство А. Кун: 1. «Огонек» откажется ждать и опубликует свой сборник Йожефа с переводами 1958 г. 2. Журнал «отложит издание сборника, но, поскольку, скорее всего, откажется пригласить в качестве редакторов А. Кун, Гослитиздат и позднее не передаст «Огоньку» новые переводы. (...) То есть, возможно, что в «Огоньке» не выйдет никакого издания». 3. «В результате может случиться так, что Посольство скомпрометирует себя перед издательством «Огонек» и Советско-венгерским обществом (sic!) (литературная секция Общества советско-венгерской дружбы взяла шефство над этим сборником, а секретарем секции является А. Гершкович). Сложилась, таким образом, след[ующая] ситуация: Посольство выступило с предложением издать книгу, затем попросило приостановить издание, в результате чего «Огонек», в соответствии с существующими законами (4-летние издательские права), вообще не сможет выпустить книгу. Подобное поведение пос[ольст]ва, очевидно, вызовет со стороны «Огонька» недовольство»⁸³.

Свое мнение о литературной секции Общества советско-венгерской дружбы автор заключает следующими словами: «Членами секции являются почти все венгерские переводчики. Если Посольство задержит выход книги, да еще и предъявит претензии в связи с кандидатурой редактора, то тем самым оно настроит против себя этих переводчиков. Между тем, задача Посольства в том, чтобы поддерживать хорошие отношения со всеми известными переводчиками венгерской литературы, оказывать им помощь в работе и в целом поддерживать деятельность секции...» По мнению Олаха, Агнесса Кун права в том, что сборник «Огонька» должен содержать самые лучшие переводы Йожефа, и их надо бы заимствовать из книги, готовящейся в Гослитиздате. Журнал пошел на довольно большой компромисс, предложив в качестве редактора Агнессу Кун, а Гершковича — в качестве составителя. Но Одах замечает при этом, что Агнесса Кун права и в том, что имя Гершковича в издании упоминать неправо-

мерно, ведь по сути речь идет о технической передаче стихов издательству «Огонька». Обстоятельства тем не менее требуют иного решения, ибо редакции «Огонька» весьма затруднительно расстаться с Гершковичем, а если она и расстанется с ним, то Гершкович и литературная секция Общества советско-венгерской дружбы воспримут все так, что это произошло в соответствии с пожеланиями Посольства и соответствующих венгерских органов»⁸⁴.

В Будапеште, в одном из материалов МИД ВНР, отмечалось, что венгерское внешнеполитическое ведомство допустило ошибку, вынудив посольство, не свойственным для дипломатии образом, вмешаться в вопросы, которые находятся в компетенции советских издательств, что же касается Агнессы Кун, то «хотя она очень много сделала и делает для распространения венгерской культуры в Советском Союзе, своей упомянутой выше позицией она нанесла делу немало вреда»⁸⁵.

Долгожданное событие состоялось в Москве 15 ноября 1962 г. Новый русскоязычный сборник стихов Аттилы Йожефа, опубликованный тиражом в 5000 экземпляров, был представлен на многолюдном вечере⁸⁶. Открыл вечер Леонид Соболев, после чего в исполнении переводчиков прозвучал целый ряд стихов. Львиную долю работы взял на себя Леонид Мартынов, переведший почти половину сборника. Редактором переводов была Агнесса Кун. Составление книги и библиографического справочника к ней взял на себя литературовед Миклош Саболчи. Поскольку к 1962 г. оценка поэзии Аттилы Йожефа стала более гибкой, в сборник вошли и некоторые из поздних, «пессимистических» стихотворений поэта.

Критика встретила книгу доброжелательно, ведь среди всех других зарубежных антологий Аттилы Йожефа эта оказалась «самой полной, дающей наиболее достоверное представление о творчестве поэта»⁸⁷. Не забыли и о наградах. Прделавший значительную часть работы Л. Мартынов удостоился в 1962 г. памятной медали венгерского Пэн-клуба, а Гидашу в том же году была вручена премия им. Кошута.

Непосредственно после выхода в свет московского издания Гидаш опубликовал статью о восприятии творчества Аттилы Йожефа в Советском Союзе⁸⁸. Собственную роль он изобразил весьма искаженно, к тому же, примечание редакции журнала создало видимость, будто Гидаш приложил для популяризации Аттиды Йожефа в СССР значительные усилия: именно он в 1946 г. опубликовал первое на русском языке стихотворение Йожефа в журнале «Огонек», а в 1949 г. написал предисловие к первому в Советском Союзе сборнику стихов Аттилы Йожефа на украинском

языке. Любопытно процитировать одно его высказывание из публикации в журнале «Тисадай»: в предисловии к украинскому изданию «Аттила Йожеф был поставлен в один ряд с Шандором Петефи и Эндре Ади, и это в то время, когда в Венгрии (Реваи и другие) еще придерживались мнения, что Аттила Йожеф, Бела Барток, разумеется, выступали как великие бунтари, но они не имели связи с массами, в результате чего...⁸⁹ и т. д. и т. п. В самом деле, у Реваи были такие высказывания, и именно их Гидаш цитировал в 1951 г. в отзыве на статью Гершковича, написанную для энциклопедии. Только тогда, в 1951-ом, он ссылаясь на Реваи в положительном плане, пытаясь с помощью его авторитета принизить значение творчества Йожефа и воспрепятствовать публикации статьи Гершковича. Впрочем неоднозначно и предисловие к украинскому изданию. В нем говорится и о формализме Аттилы Йожефа, о его глубоком пессимизме, что считалось в ту пору смертными грехами⁹⁰. Естественно, Гидаш не упомянул о странных диспропорциях в составе «Антологии венгерской поэзии», зато раскритиковал в пух и прах сборник, выпущенный на русском в 1958 г.

После 1962 г. препятствий для популяризации Аттилы Йожефа в Советском Союзе уже не осталось, и он занял здесь достойное место. В 1963-м, через год после выхода книги Гослитиздата, вышел сборник поэта и в качестве 44-го выпуска «Библиотечки «Огонька» тиражом в 112 400 экземпляров⁹¹. В книжечке содержалось 23 стихотворения, редактором значился П. Кравченко, а фамилия Гершковича вообще не упоминалась. Да в этом и не было смысла, все переводы были взяты из книги Гослита. Кое-где поэты их несколько доработали, но в принципе это было значительно сокращенное издание сборника, выпущенного годом раньше.

В 1973 г., в 3-м издании Большой Советской Энциклопедии, была наконец опубликована свободная от идеологических перехлестов, профессионально написанная статья О. К. Россиянова.

С изданием Аттилы Йожефа Гершковичу не везло и позднее. В 1980 г., к 75-летию юбилею поэта, он планировал составить книгу, в которую вошли бы не только стихи, но и прозаические тексты Йожефа. Будапештское издательство «Корвина» сперва обольщало его надеждами, но в конце концов отказалось от этой идеи⁹². Вновь верх одержала Агнесса Кун, выпустив в Москве по случаю знаменательного юбилея несколько сокращенный и в некоторых местах исправленный вариант сборника стихов 1962 г.⁹³

Не имея возможности заниматься здесь восприятием Аттилы Йожефа в современной России, мимоходом отмечу всего лишь один факт. Создается впечатление, что прошлое возвращается: в считающейся в какой-то мере наследницей БСЭ Большой энциклопедии Кирилла и Мефодия (в 2003 г. она вышла на DVD) Аттиле Йожефу посвящены три с половиной строки. А Анталу Гидашу — шесть.

Сокращенный вариант статьи. Полный текст см.: Babus Antal. József Attila 1945 és 1962 közötti szovjetunióbeli recepciója // Hítel, 2005, június.

Примечания

¹*Szuizsenko L. József Attila költészete a Szovjetunióban // Filológiai Közlöny. 1967. № 3—4. P. 425—429.*

²См.: *Hidas A. Szólok az időhöz. Bp., 1979. P. 282.*

³Антология венгерской поэзии. Государственное издательство художественной литературы. М., 1952.

⁴Magyar Országos Levéltár (Венгерский Национальный Архив, далее — MOL). XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 0658 — 1950. (17. doboz).

⁵MOL, XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 03825 — 1950. (17. doboz).

⁶На этот факт, без каких-либо комментариев, обращает внимание и Л. Сувиженко. См.: *Szuizsenko L. Op. cit. P. 426.*

⁷См.: *Kun Ágnes beszél József Attiláról. Pacsek Józsefné interjúja, 1982. V. 4. Petőfi Irodalmi Múzeum (PIM), Hangtár: 1099/A.*

⁸*Botka F. A Sarló és Kalapács (1929—1937) // «Jöjj el, szabadság!» Tanulmányok a magyar szocialista irodalom történetéből. Bp., 1967. P. 273.*

⁹См.: *Vértess Gy. József Attila és az illegális kommunista párt. Bp., 1964. P. 47.*

¹⁰*Botka F. Op. cit. P. 286.*

¹¹*Szabolcsi M. A Szovjet Írókongresszus ügye — 1934. július // Esmélet. In memoriam József Attila. Bp. 2004. P. 176.*

¹²*Nagy Csaba. Miért nem ő? // «Miért fáj ma is». Az ismeretlen József Attila. Bp., 1992. P. 327.*

¹³Гершкович Александр Абрамович (1924—1992) — историк литературы, театровед, критик, переводчик. До 1956 г. некоторое время работал референтом по Венгрии в находившемся под жестким контролем советских спецорганов ВОКСе (Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей); позднее научный сотрудник ИМЛИ им. Горького, Института славяноведения и балканистики АН СССР; в конце 1970-х годов эмигрировал в США.

¹⁴ Биографические сведения об Аттиле Йожефе. См.: Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 631. О. 26. Д. 1176. — Подчеркивания в тексте статьи сделаны авторами цитируемого ниже отзыва.

¹⁵ PIM. V 4717/9. 2. [Gerskovics, Alexander]: Waldapfel J[ózsef] — [Не датированная запись на русском яз.]

¹⁶ См.: József Attila összes művei IV. Bp., 1967. P. 275.

¹⁷ MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 008964 — 1955. (17. doboz).

¹⁸ Три великих венгерских поэта: Янош Арань, Эндре Ади, Аттила Йожеф. Будапешт, 1952.

¹⁹ MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 04138/3 — 1952. (17. doboz).

²⁰ Ibid. — 04138/6 — 1952. (17. doboz).

²¹ Ibid. — 04599 — 1952. (17. doboz).

²² РГАЛИ. Ф. 631. О. 26. Д. 1205. Письмо И. Кулчара об издании произведений Аттилы Йожефа в СССР.

²³ Поликарпов Д. А. (1905–1965) — с 1939 г. в аппарате ЦК ВКП(б), в 1940–1942 гг. — 1-й зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); в 1954–1955 гг. ответственный секретарь правления Союза писателей СССР; в 1956–1962 гг. заведующий отделом культуры ЦК КПСС.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 631. О. 26. Д. 1205. Л. 3. Письмо И. Кулчара...

²⁵ Fazekas A. Emlékezés // József Attila emlékkönyv. Bp., 1957. P. 401.

²⁶ Ibid. P. 405.

²⁷ MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 008964 — 1955. (17. doboz) *Комментарии к записке — мои (А. Б.)*.

²⁸ Петер Юхас (1930) — известный переводчик болгарской литературы, литературовед; в 1954–1956 гг. — атташе по культуре посольства ВНР в Москве.

²⁹ Имеется в виду А. Гершкович.

³⁰ Нельс С. Поэзия Анатоля Гидаша // Марксистско-ленинское искусствознание. 1932. № 5–6. С. 107–117.

³¹ Автором цитаты был М. Чумандрин. См.: Ленинград. 1930. № 4. С. 118–119.

³² Цит. по: Hidas A. Folyik a rög... [С предисловием А. Луначарского] М., 1930. С. 7.

³³ Открывая съезд, А. Сурков упомянул также М. Залку и Б. Иллеша.

³⁴ Антология венгерской поэзии. С. 399.

³⁵ По-видимому, речь идет о статье журналиста, писавшего об А. Йожефе, в частности, в «Сабад Неп».

³⁶ Статья была опубликована несколько позже. См.: *Хорват М.* Аттила Йожеф — поэт венгерского рабочего класса // Иностранная литература. 1956. № 2. С. 175—180.

³⁷ На документе виза: «Ференц Мюнних, чрезвычайный и полномочный посол».

³⁸ MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 008964 — 1955. (17. doboz). Записка на обороте титульного листа папки, автограф.

³⁹ РГАНИ. Ф. 5. О. 36. Д. 19 (с микрофильма 5826, кадр 5). По организации связей с Союзом писателей и литературоведческими учреждениями стран народной демократии.

⁴⁰ *Hidas A.* Egy regény elé // Új Írás. 1963. № 8. P. 971.

⁴¹ Цит. по: *Zappe L.* Kun Ágnes // Nagyvilág. 1991. № 3. P. 445.

⁴² MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 008964 — 1955. (17. doboz).

⁴³ РГАЛИ. Ф. 631. О. 26. Д. 1199. Л. 4. Отчет И. Салимона о работе с венгерскими писателями Д. Ийешем и И. Кираем во время их пребывания в Советском Союзе.

⁴⁴ РГАНИ. Ф. 5. О. 28. Д. 394. Л. 2. Из дневника В. Н. Келина. Запись беседы с главным редактором литературного журнала «Чиллаг» И. Кираем.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 4.

⁴⁷ Громов О. В. — переводчик венгерской литературы, в 1975—1990 гг. московский редактор венгерского издания журнала «Советская литература».

⁴⁸ РГАНИ. Ф. 5. О. 28. Д. 394. Л. 4. Из дневника В. Н. Келина.

⁴⁹ Там же. Л. 4—5.

⁵⁰ MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 008964/2 — 1955. (17. doboz).

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibidem.

⁵³ *Waldapfel J.* Moszkvában, József Attilával. // Szabad Nép, 1955. ápr. 15. 5. Расширенный вариант статьи опубликован // *W. J.* Irodalmi tanulmányok. Bp., 1957. Последующие ссылки даются на эту публикацию.

⁵⁴ Ibidem.

⁵⁵ *Waldapfel J.* Néhány szó a legnagyobb magyar szocialista költőről // *W. J.* Irodalmi tanulmányok. P. 544.

⁵⁶ Ibid. P. 549.

⁵⁷ *Тихомирова Н.* Сын Венгрии // Нева. 1958. № 5. С. 183—189.

⁵⁸ Об осквернении памятника Йожефа в этот период никаких данных мне обнаружить не удалось.

- ⁵⁹ Йожеф А. Стихотворения. М., 1958.
- ⁶⁰ Байков В. С. — в 1950—1956 гг. референт отдела ЦК КПСС по связям с иностранными компартиями; в 1957—1958 гг. советник посольства СССР в Венгрии.
- ⁶¹ Гейгер Бела (Б. Я. Гейгер-Григорьев) (1909—1983) — дипломат, переводчик; во второй половине 1940-х годов руководитель венгерской референтуры МИД СССР; с начала 1950-х гг. преподаватель Литинститута им. М. Горького, занимался подготовкой переводчиков с венгерского языка.
- ⁶² Големба А. С. — по образованию медик, занимался переводом с венгерского языка.
- ⁶³ Очевидный намек на «подрывную работу» Гидашев.
- ⁶⁴ *Kulcsár I.* Az első kísérlet // Nagyvilág. 1958. November. P. 1724.
- ⁶⁵ Ibid. P. 1725.
- ⁶⁶ *Waldapfel J.* [Hozzászólás a] József Attila ülészak [során] // A Magyar Tudományos Akadémia Nyelv- és Irodalomtudományi Osztályának Közleményei. 1959. XIV. kötet. P. 157—158.
- ⁶⁷ *Bodnár O.* József Attila szovjet fordítói közt // Szabad Nép. 1956. Aug. 17. P. 4.
- ⁶⁸ *Waldapfel J.* [Hozzászólás a] József Attila ülészak [során]. P. 157.
- ⁶⁹ ПИМ. V 4717/9. 1. [Gerskovics, Alexander]. Waldapfel J[yzsef] — [Не датированная запись на русском яз.]
- ⁷⁰ *Vágó T.* Madách, József Attila, Radnóti Miklós művei oroszul // Népszabadság. 1959. Dec. 17. P. 8.
- ⁷¹ *Héra Z.* A Szovjet—Magyar Baráti Társaság estje Moszkvában. Szaboljev Adyról és József Attiláról // Népszabadság. 1959. Máj. 26. P. 8.
- ⁷² MOL. XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 00550 — 1959. (17. doboz).
- ⁷³ *Györe I.* Irodalmunk szolgálatában // Élet és Irodalom. 1959. Apr. 24. P. 5.
- ⁷⁴ MOL — XIX — J — 1 — k — SZU — Admin. — 145/a tétel — 2/22/35 — 1 — 1961. (18. doboz).
- ⁷⁵ Ibid. — 003801 — 1961. (18. doboz).
- ⁷⁶ РГАЛИ. Ф. 631. О. 26. Д. 1250. Док. № 98. Советско-венгерские литературные отношения...
- ⁷⁷ Отчет о событии содержится в двух документах. См.: Там же. Л. 63; а также: MOL — XIX — J — 1 — k — SZU — 145/a tétel — 004001 — 1961. (18. doboz).
- ⁷⁸ MOL — XIX — J — 1 — k — SZU — 145/a tétel — 004001 — 1961. (18. doboz).
- ⁷⁹ Ibid. — 004254 — 1961. (18. doboz).
- ⁸⁰ Ibid. — 2/22/117—1 — 1961. (18. doboz).
- ⁸¹ Ibid. — 006414 — 1961. (18. doboz).

- ⁸² Ibid. — 003378/1/ — 1962. (18. doboz).
- ⁸³ Ibidem.
- ⁸⁴ Ibidem.
- ⁸⁵ Ibidem.
- ⁸⁶ Ibid. — 2/22/141 — 1 — 1962. (18. doboz).
- ⁸⁷ Lator L. Az orosz József Attila // Nagyvilág. 1963. № 4. P. 615.
- ⁸⁸ Hidas A. József Attila a Szovjetunióban // Tiszatáj. 1962. № 12. P. 2.
- ⁸⁹ Ibidem.
- ⁹⁰ Agi E. — *Йожеф А.* Вибране. Ужгород, 1949.
- ⁹¹ *Йожеф А.* Стихи. М., 1963.
- ⁹² РІМ. V 4717/30/1—4. [Gerskovics, Alexander]. [Не датированные записи об Аттиле Йожефе на русском яз.]
- ⁹³ *Йожеф А.* Стихи. М., 1980.